

А. Харьло

ОСОБЕННОСТИ БОГОСЛОВСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СВТ. КИРИЛЛА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО НА ФОНЕ ХРИСТОЛОГИЧЕСКИХ СПОРОВ V ВЕКА

В статье рассматриваются особенности терминологического аппарата, употребляемого свт. Кириллом Александрийским в изложении христологического догмата о соединении двух естеств в одном Лице Богочеловека Иисуса Христа. Подчеркивается, что Александрийский архиепископ, разъясняя тайну Воплощения, пользовался особым богословским языком, отличающимся своеобразием. Автор указывает главные христологические понятия и сравнивает способы их употребления святителем. На основе анализа творений Александрийского архиепископа доказывалось, что свт. Кирилл смешивал термины «φύσις», «ὑπόστασις», «πρόσωπον» и употреблял их безразлично, как синонимы. Именно в этом заключалась сложность интерпретации богословского языка Александрийского святителя. Высказано мнение, что свт. Кирилл, стремясь утвердить истину единства Богочеловеческого бытия, не смог найти для нее законченное выражение, доступное всем. Однако Александрийский архиепископ сделал решающий шаг в уяснении и формулировании сокровеннейшего христианского догмата о соединении двух естеств в одном Лице Богочеловека Иисуса Христа. Дальнейшее развитие православной христологии совершалось в духе и в стиле Александрийского святителя. Подтверждением этого служит утверждение отцов Халкидонского Собора, что они содержат «веру Кирилла». В статье указывается, что для Александрийского архиепископа терминологический аппарат всегда был только средством для выражения своих мыслей, идей, богословских истин. Однако это не значит, что двоится или колеблется его мысль. Напротив, в своем исповедании свт. Кирилл всегда прям. Его богословская мысль всегда совершенно ясна и определена. Автором статьи сделан вывод, что если даже Александрийский святитель в своем христологическом словоупотреблении не различал терминов и употреблял их как очевидные синонимы, то это можно объяснить не установившимся еще в V в. точным богословско-философским терминологическим аппаратом. В это время отсут-

Особенности богословской терминологии свт. Кирилла Александрийского...

ствовало однозначное понимание основополагающих богословских терминов. Свт. Кирилл на фоне христологических споров V века высказал глубинную богословскую мысль в рамках все еще неоднозначно сформулированных понятий.

Ключевые слова: свт. Кирилл Александрийский, христология, *οὐσία, φύσις, ὑπόστασις, πρόσωπον*.

С самых первых веков жизни Церкви изложение истин христианской веры было связано с евангельским образом Иисуса Христа. Появлялись бесконечные попытки адекватно истолковать этот образ. Перед богословствующими умами возникало множество вопросов: Кто есть Иисус Христос: Бог? или Богочеловек? Как понимать это Богочеловеческое единство? Какого происхождения Его природа, и из чего она состоит? Можно ли говорить о единстве, если природы две, и наоборот: можно ли говорить о двойственности, если Он — один? Насколько реально Его Божество и насколько реально Его Человечество? Перевести категорию веры в категорию логической мысли, выразить вербально, в терминологических формулировках упование верующего сердца — это непростая задача, перед которой были поставлены христианские мыслители в условиях эллинской культуры, развивающейся под сильным влиянием философских систем.

В IV веке христологическая мысль достигла вопросов, дальнейшее выяснение которых было невозможно без выработки предельно точной богословской терминологии. Решение этой задачи было сделано прекрасно осведомленными в области философской и богословской литературы отцами каппадокийцами, подготовившими тем самым базу для дальнейшего развития христологической мысли¹.

В V веке в богословской среде бурно обсуждались два вопроса: «Что из себя представляла человеческая природа Иисуса Христа?» и «Как нужно понимать соединение Божества и человечества во Христе?» Ответы на эти вопросы стали лейтмотивом всей деятельности свт. Кирилла Александрийского, который много потрудился для раскрытия и формулирования сокровеннейшего христианского догмата о соединении двух естеств в одном Лице Богочеловека. Это христологическое разъяснение тайны Воплощения определило характер и образ всей дальнейшей его жизни.

¹ Longosz S. *Chrystologia Ojców Kapadockich*. Vox Patrum 17. Lublin, 1997. S. 160.

Для свт. Кирилла формулирование догматов веры было не самоцелью, но средством ограждения верующих от тех или иных еретических заблуждений². Свои догматические формулировки он разрабатывал и оттачивал в полемике, зачастую именно в рамках диалога, дискуссии с оппонентами. Александрийский архиепископ формулировал христологические взгляды главным образом в полемике с Несторием и богословием, которое тот олицетворял.

Характерной чертой литературных трудов свт. Кирилла был его взгляд на права разума в делах веры и на их взаимное отношение. Святитель отличался сдержанным подходом к значению разума в деле разъяснения Божественных Таин. Он утверждал, что только верою должно быть принимаемо то, что выше разума. Вера есть вход, ведущий к разумению и открывающий ум к восприятию света Божественного³. Таким образом, свт. Кирилл отводил высшую руководящую роль и область трансцендентального именно вере, а второстепенное значение, область практической деятельности человека — разуму.

Однако, с другой стороны, Александрийский архиепископ одновременно не пренебрегал разумом и довольно часто упоминал о его значении в положительном смысле. О плодах же разума, работающего в гармонии с верою, он отзывается весьма положительно. Он хвалил тех, которые при помощи мирской мудрости борются за священные и божественные догматы и достигают красоты речи и остроумия в знаниях и совершают разумное служение Богу. В трактате *О поклонении и служении в Духе и истине* свт. Кирилл писал: «Имеющие ум благородный и, так сказать, выработанный посредством упражнения в рассуждениях об истине, не будут ли иметь дивным плодом благолепие в правоте и истинности учения?»⁴. Такой ум, просвещаемый верою, составляющий с ним дивную гармонию, является могучей, плодотворной силой в области богословия, становясь способным к восприятию света Божественного⁵. С таким умом свт. Кирилл не боялся погружаться в самые таинственные и непостижимые истины христианского вероучения и достигал блестящих результатов. Именно поэтому Александрийский архиепископ, при всем своем

² Rehrmann A. Die Christologie des hl. Cyrillus von Alexandrien. Hildesheim, 1902. S. 58.

³ *Cyrylli Alexandrini De Adoratione et Cultu in Spiritu et Veritate* // PG 68. Col. 508D.

⁴ Ibid. Col. 892A.

⁵ Ibid. Col. 281D.

недоверии к силам человеческого разума, являлся необычайно глубоко-мысленным пронизательным богословом, перед которым открывались сокровеннейшие тайны христианской догмы.

Указывая особенности богословского языка свт. Кирилла Александрийского, необходимо обратить внимание на высказывания двух известных богословов. Прот. Георгий Флоровский утверждал, что «богословская мысль свт. Кирилла всегда совершенно ясна»⁶; в то же время Кристоф Шёнборн подчеркивал, что Александрийский архиепископ — это автор, «непревзойденный по ясности мысли»⁷. Однако, анализируя литературное наследие святителя, замечается некое несоответствие между ясностью богословской мысли и не всегда совершенной формой изложения христологического учения.

Некоторые исследователи пытались объяснить это несовершенство терминологии характером произведений, в которых святитель раскрыл свою христологическую систему. Согласно М. Э. Поснову, «значительное неудобство при изложении учения свт. Кирилла возникает из того, что он не развивал его положительным методом, по принципу теоретического исследования, а только по требованиям политическим, и формулировал в нужных для цели тезисах. Поэтому-то и в терминологии свт. Кирилл не был устойчив»⁸.

Однако, подробно рассматривая труды святителя, следует заметить, что особенность его терминологии прежде всего связана с его своеобразным богословским воззрением. «Будь он теоретиком, ему, наверное, не составляло бы большого труда перенести каппадокийский понятийный аппарат из области триадологии в область христологии. Возможно, именно кажущаяся легкость такого перенесения и останавливала святителя, ум которого благоговейно трепетал перед тайной Воплощения и искупления»⁹.

Надо упомянуть, что величайший учитель христологии допускал в своих трудах некую терминологическую неаккуратность. Однако этот факт оправдывается тем, что в V веке не было еще окончательно сфор-

⁶ Флоровский Г., прот. Восточные отцы V–VIII веков. Париж, 1990. С. 72.

⁷ Шёнборн К. Бог послал Сына Своего. Христология. Москва, 2002. С. 92.

⁸ Поснов М. Э. История христианской Церкви. Брюссель, 1964. С. 375.

⁹ Сидоров А. И. Святитель Кирилл Александрийский. Его жизнь, церковное служение и творения // Творения святителя Кирилла, епископа Александрийского. Кн. 1. М., 2000. С. 116–117.

мулированного богословского терминологического аппарата. Именно в связи с этой ситуацией встречаются в произведениях святителя некоторые неоднозначные выражения. При этом надо помнить, что христологическая терминология никогда не представляла собою нечто неизменное. Напротив, она проходила разные этапы развития во времени. Следует заметить, что разные недоумения с интерпретированием богословского языка свт. Кирилла связаны также с неверным подходом к богословскому наследию Александрийского архиепископа.

Уяснение догматических вопросов в христологических спорах было связано с определением точного смысла основных богословских терминов: природа «φύσις», ипостась «ὕποστασις», лицо «πρόσωπον» и сущность «οὐσία». Однако в это время отсутствовало однозначное понимание основополагающих богословских терминов. Именно в этом заключалась сложность интерпретации богословского языка Александрийского святителя.

Главным же недостатком терминологии свт. Кирилла является то, что употребляемые им христологические термины «φύσις», «ὕποστασις» и «πρόσωπον» имеют по несколько значений. Архиепископ, как и другие древние церковные писатели, смешивал термин «φύσις» с термином «ὕποστασις». Этот факт подтверждают его произведения.

В *Схотиях о воплощении Единородного* святитель, стараясь показать посредством примера позолоченного дерева неслитность двух естеств во Христе, утверждал, «что природы, или ипостаси, пребывают без слияния»¹⁰.

В *Послании к Акакию Мелитинскому* писал: «И по одному этому можно уразуметь различие природ, или ипостасей (τῶν φύσεων, ἤ ἰπου ὑποστάσεις)»¹¹.

В *Апологии 12 глав против Феодорита*, объясняя, что такое ипостасное соединение двух естеств, святитель говорил, что «ипостасное соединение ничего другого не обозначает, кроме того только, что природа или ипостась Логоса, то есть сам Логос, во истине соединившись с человеческим естеством без всякого изменения и слияния, мыслится и есть один Христос»¹².

¹⁰ *Cyrelli Alexandrini Scholia de Incarnatione Unigeniti* // PG 75. Col. 1381AB.

¹¹ *Cyrelli Alexandrini Epistola 40* // PG 77. Col. 193BC.

¹² *Cyrelli Alexandrini Apologeticus contra Theodoretum pro XII capitibus* // PG 76. Col. 400A.

Точно так же в *Апологии 12 глав против “восточных”*, доказывая, что выражение «поклоняться Единому Сыну Божию вместе с Его плотью» не обозначает разделения на два лица, свт. Кирилл писал: «Когда мы говорим об одном лице и естестве, то есть об одной ипостаси, рассматривая составные его части, и присовокупляем предлоги «συν» или «μετά», но не разделяем его»¹³.

В *III анафематизме*, предавая анафеме тех, которые разделяют две природы после соединения, он пишет: «Кто во Христе разделяет ипостаси после соединения (διαρεῖ τὰς ὑποστάσεις μετὰ τὴν ἔνωσιν), анафема да будет»¹⁴.

Из приведенных мест ясно, что свт. Кирилл смешивает термины «φύσις», «ὑπόστασις», «πρόσωπον» и употребляет их безразлично, как синонимы. Иногда он даже, повидимому, заменяет выражение «одно естество Бога Слова воплощенное» словами: «Одна ипостась Логоса воплощенная». Так, например, во *II Послании против Нестория* 428 года он писал: «Если говорить об одном Сыне и об одной ипостаси Логоса воплощенной (καὶ μὴν ὑπόστασιν τοῦ Λόγου σεσαρκωμένην), то Он (Христос) не будет орудием Божества»¹⁵. В том же послании он отмечает, что все изречения Евангелий нужно приписывать «одной ипостаси Логоса воплощенной» (ὑποστάσει μὲν τῆ τοῦ Λόγου σεσαρκωμένη)¹⁶. Однако во *II Послании к Суксенсу, архиепископу Диокесарийскому*, свт. Кирилл употребляет уже двусмысленную формулу «μία φύσις τοῦ Θεοῦ λόγου σεσαρκωμένη» о единой природе Бога Слова воплощенной¹⁷.

Свт. Кирилл, говоря о Христе как о «μία φύσις», «μία ὑπόστασις» и иногда как о «ἓν πρόσωπον», тем самым хотел указать на единство бытия, единство жизни Богочеловека, утвердить ту мысль, что Христос есть единое живое Существо, Индивидуум, Который не может быть разделен на части.

Пользуясь терминологией великих каппадокийцев, свт. Кирилл употребляет «οὐσία», «φύσις» и «ὑπόστασις» для обозначения начал, из которых составился Христос. Для определения Богочеловеческого единства

¹³ *Cyrelli Alexandrini Apologeticus pro XII capitibus adversus Orientales episcopos* // PG 76. Col. 352CD.

¹⁴ *Cyrelli Alexandrini Epistola 17* // PG 77. Col. 120C.

¹⁵ *Ibid.* Col. 116C.

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ *Cyrelli Alexandrini Ad Succensum. Epistola 46* // PG 77. Col. 241C.

им применялись выражения «μία φύσις» или «μία ὑπόστασις»; термин «οὐσία» по отношению к составляющим Богочеловеческого единства во Христе использовался им крайне редко¹⁸.

Подобным же образом свт. Кирилл использует термины «οὐσία» или «φύσις» для обозначения множества индивидуумов, объединенных некоей общностью. Для обозначения конкретной единичной реальности он употребляет термины «φύσις», «ὑπόστασις» и «πρόσωπον». В отличие от первых двух терминов, указывающих на некую единичную вещь вообще, термин «πρόσωπον» имеет более узкое значение и может обозначать лишь вещь, обладающую самостоятельным бытием. В христологии, которая имеет дело с разумной и свободной природой, термин «πρόσωπον» указывает на личностный субъект, который имеет свое отдельное «я», носит имя собственное и имеет свое самосознание. Самосознание и инаковость — такими словами можно описать две главнейшие характеристики личности.

В целом следует сказать, что Александрийский святитель чаще всего избегал употребления термина «φύσις» для обозначения человеческой природы Христа, Человечества Слова, ставшего плотью. Интересно, что, по замечанию Л. Коэна, «это не есть черта исключительно Кириллова богословия. Другие восточные авторы, например, свт. Афанасий, свт. Григорий Нисский, Ориген, Дидим для выражения Человечества Христа чаще использовали термины “σάρξ”, “οἰκονομία”, “ἀνθρώπινον”, но не “φύσις”. В творениях свт. Кирилла мы видим то же самое»¹⁹.

Тем не менее, в ряде случаев свт. Кирилл все же называет природой Человечество Христа, имея в виду человеческую жизнь, или человеческие свойства. Например, в *Схолии о воплощении Единородного* свт. Кирилл пишет, что по Воплощении Бог Слово «прибавляет к Своей Божественной природе человеческую природу, заимствованную от Девы, и теперь обладает не только Божественной природой, которая принадлежит Ему как Богу, но и человеческой, которая принадлежит Ему как Человеку. Таким образом, Слово имеет две природы, Свое Божество и Свое Человечество»²⁰. Т. е. и Божество, и Человечество Христа свт. Ки-

¹⁸ Давыденков О., *иер.* Велія благочестія тайна: Бог явися во плоти. М, 2002. С. 82.

¹⁹ Koen L. *The Saving Passion. Incarnational and Soteriological Thought in Cyril of Alexandria's Commentary on the Gospel according to St. John.* Uppsala, 1991. P. 80.

²⁰ *Cyrelli Alexandrini Scholia de Incarnatione Unigeniti* // PG 75. Col. 1388A.

рилл мог называть природами. Отсюда понятно, почему в употреблении термина «φύσις» для обозначения индивидуального существования антиохийцы могли видеть смешение двух природ в одну.

Проблема в том, что свт. Кирилл «употреблял термин природа в двух разных значениях: 1) целостности (но не качественности) — относительно Личности, Ипостаси Христа, конкретной индивидуальности, живого и конкретного единства. Это значение было преобладающим, и впоследствии скорректировано Халкидоном; 2) качества (например, Божества или Человечества), конкретной реализации общей природы»²¹. Здесь, конечно, виден недостаток христологического словаря свт. Кирилла. Однако монофизитское или аполлинаристское толкование данного термина очевидно не входило в намерения свт. Кирилла, о чем ясно говорит множество свидетельств из его произведений.

Итак, Александрийский архиепископ, разъясняя тайну Воплощения, пользовался особенным богословским языком. Этот факт был связан, прежде всего, с неустановившимся еще в это время богословско-философским терминологическим аппаратом. Свт. Кирилл на фоне христологических споров V века высказал глубинную богословскую мысль в рамках все еще неоднозначно сформулированных понятий. Однако, в силу нескольких причин, терминология святителя не могла стать основанием для создания общеприемлемой христологии. Свт. Кириллу не хватало терминов, которые могли бы совершенно отклонить подозрения в аполлинаризме и сделать его учение приемлемым для всей Церкви. Архиепископ изредка употреблял в христологии каппадокийские определения «φύσις», «οὐσία», «ὕποστασις». Эту задачу впоследствии решил Халкидонский Собор, заслугой которого является изложение учения свт. Кирилла на богословски точном и понятном для антиохийских богословов языке.

Подводя итог вышеизложенному, следует заметить, что богословский язык свт. Кирилла характерен своею своеобразием. Употребляемая им терминология не всегда отличалась четкостью и однообразием. Для Александрийского архиепископа терминологический аппарат всегда был только средством для выражения своих мыслей, идей, богословских истин. Однако это не значит, что святитель смешивал понятия, что

---

²¹ *Weinandy T. G. Cyril and the Mystery of the Incarnation // Weinandy T. G., Keating D. A. The Theology of St. Cyril of Alexandria. A Critical appreciation. New York, 2000. P. 18.*

двоится или колеблется его мысль. Напротив, в своем исповедании он всегда прям. Богословская мысль свт. Кирилла всегда совершенно ясна и четко определена. Если даже в христологическом словоупотреблении он не различал терминов и употреблял их как очевидные синонимы, то это можно объяснить не установившейся еще в то время точной богословской системы понятий. Александрийский архиепископ, стремясь утвердить истину единства Богочеловеческого бытия, не смог найти для нее законченное выражение, доступное всем. При этом надо подчеркнуть, что свт. Кирилл сделал решающий шаг в уяснении и формулировании сокровеннейшего христианского догмата о соединении двух естеств в одном Лице Богочеловека Иисуса Христа. Дальнейшее развитие православной христологии совершалось в духе и в стиле Александрийского архиепископа, подтверждением чего стало утверждение отцов Халкидонского Собора, что они содержат «веру Кирилла».

Можно утверждать, что не без основания церковные писатели называли свт. Кирилла «учителем и отцом» (ὁ διδάσκαλος καὶ ὁ πατήρ)²², «великим» (ὁ μέγας)²³, «светильником истины» (φωστὴρ τῆς ἀληθείας)²⁴ и «печатью отцов» (σφραγὶς τῶν πατέρων)²⁵. Действительно, труды свт. Кирилла Александрийского явились печатью, которой закончились труды классического периода святоотеческой письменности и печатью истины и Православия, которой утверждаются и проверяются труды дальнейших тружеников богословской мысли.

---

²² *Leontii Byzantini Scholia* // PG 86. Col. 1214B-C.

²³ *Photii Constantinopolitani Bibliotheca* // PG 103. Col. 1029C.

²⁴ *Anastasii Synaitae Viae Dux adversus Acephalos* // PG 89. Col. 177A.

²⁵ *Ibid.* Col. 113D.